

Господин Великий Новгород //Русич, Смоленск, 1994
ISBN: 5-85689-021-3
FB2: Ego <ego1978@mail.ru >, 2007-08-04, version 1.01
UUID: 79f144ae-93cf-102a-94d5-07de47c81719
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Николай Эдуардович Гейнце

Бессилие искусства
(Рассказы)

Николай Эдуардович Гейнце Бессилие искусства (Драма в цирке)

— О, это просто дело упражнения и привычки – вот и все! – сказал мне старый жонглер. – Конечно, надо иметь и некоторую способность, крепкие, здоровые пальцы, а главное условие – это терпение и ежедневная работа в течение многих лет.

Подобная скромность меня удивила, тем более, что среди жонглеров, кичащихся, по обыкновению, своей ловкостью, он положительно на целую голову выдавался своим искусством. Я, по крайней мере, не встречал более ловкого.

Нет сомнения, что все часто видали не только в цирках, но и даже в убогих балаганах, исполнение заурядного фокуса, состоящего в том, что мужчина или женщина становится спиной к экрану с распростертыми крестообразно руками, жонглер же мечет издали ножи, вонзающиеся в дерево между пальцами рук и вокруг головы стоящего.

Этот фокус в сущности не представляет из себя ничего особенного. Быстрота ударов, сверкание клинков, живая цель – придают только наружный вид некоторой опасности фокуса, на самом же деле ножи весьма мало смертоносны и вонзаются на значительном расстоянии от цели.

В данном случае было не так. Тут не было ни тени плутовства. Ножи были отточены, как бритва, и старый жонглер ловко вонзал их, совсем близко у тела своей живой цели, в самые углы между пальцами руки, окружал голову и шею узким кольцом, так что человек, стоящий у экрана, не мог пошевелить головой, не рискуя порезаться.

Поразительнее всего было то, что старый жонглер проделывал все это, не глядя на свою живую цель: его лицо было закрыто маской из провощенной плотной материи, без малейших отверстий для глаз.

Понятно, что, как все выдающиеся художники, он не был понят толпой, смешивавшей его с обыкновенными фокусниками. Его маска в глазах толпы служила только доказательством несомненного плутовства.

– Он нас считает за круглых дураков, – думали зрители. Точно на самом деле можно целиться, не глядя.

Напрасно старый жонглер каждый раз перед представлением давал осматривать свою маску публике. Последняя не могла заметить обмана, но тем не менее продолжала считать себя обманываемой.

Только я один угадал в старом жонглере выдающегося артиста и был глубоко убежден, что он был чужд всякого обмана. Я высказал это ему вместе с удивлением к его искусству. Он был тронут отданной ему справедливостью. Таким образом, мы сделались друзьями и он мне скромно объяснил истинный секрет этого фокуса, непонятый толпой.

Секрет этот весь заключался в следующих простых словах:

– Быть немного способным и работать в течение многих лет каждый день.

На мою уверенность в отсутствии тени плутовства в его искусстве старый жонглер сказал мне:

– О! да, да, вы правы, вы совершенно правы. Мне даже невозможно плутовать. Невоз-

можно настолько, что вы не можете даже себе представить. Если бы я вам только рассказал? Но к чему?..

На его лицо набежала тень. Мне показалось, что крупные слезы блеснули в глазах жонглера. Я не смел настаивать на откровенности, но, вероятно, мой взгляд был не настолько скромн, как мой язык. Его-то молчаливой просьбе и уступил старый жонглер.

– Впрочем, почему бы мне и не рассказать вам? Вы, вы поймете меня... Она, она хорошо поняла... – прибавил он почти свирепо.

– Кто она? – спросил я.

– Моя жена, будь она проклята! – отвечал он. – О, какое это отвратительное создание, если бы знали! Она поняла, даже слишком хорошо поняла! Этого-то я ей простить не могу! Она меня обманывала, но это так естественно со стороны женщины – это еще можно простить. Но что касается до остального – это уже преступление, ужасное преступление.

Его жена была той самой женщиной, которая каждый вечер служила ему живой целью.

Ей было лет сорок, она была, видимо, когда-то хорошенькой, но с вульгарными черта-

ми лица: курнобая со злыми глазами, с чувственным, но вместе с тем и неприятным ртом с выдававшейся вперед нижней губой.

– Я заметил несколько раз, что при каждом брошенном ее мужем ноже она смеялась едва слышным, но очень выразительным смехом, смехом горьким и звучащим насмешкой.

Я приписывал этот смех подробности исполнения номера.

– Это условлено между ними, – думал я, чтобы сильнее оттенить возможную опасность, презрение к этой опасности, в силу уверенности в меткости метальщика.

Мне только что пришел на память этот смех, как старый жонглер начал снова:

– Ее смех, – конечно, вы слышали его?.. Ее злой смех, которым она дразнит меня, ее подлый смех, который доводит меня до бешенства. Именно подлый, так как она хорошо знает, что с ней ничего не может случиться, ничего, не смотря на то, что она этого вполне заслуживает, несмотря на то, что я должен был бы это сделать, несмотря, наконец, даже на то, что я хочу это сделать.

– Что же вы хотите?

– Боже, неужели вы не догадываетесь – я хочу ее убить.

– Убить за то, что она вас...

– За то, что она меня обманывала? – перебил он меня. – О нет! Не за то, повторяю вам. Но самое худшее это то, что когда я первый раз простил ее и когда я сказал ей, что тем не менее я мог бы отомстить за себя, зарезав в один прекрасный день ударом ножа, не показавши даже вида, что сделал это нарочно, но как бы по несчастью, по неловкости.

– Вы ей это сказали?

– Да. И я думал об этом. Я думал, что могу это сделать. Я, кроме того, имел на это полное право. Это было так просто, так удобно, так соблазнительно. Подумайте только. Один неправильный удар, только на один сантиметр – и ее сонная артерия перерезана. Мои ножи режут так хорошо. Порез сонной артерии смертелен. Ее – моей жены – не существует, а я, я отомщен.

– Это верно, убийственно верно! – заметил он.

И без всякого риска для меня – не правда ли? – продолжал он. Несчастье – вот и все,

случайность, промах, как это часто случается в нашем ремесле. За что меня обвинили бы? Кто подумал бы даже меня обвинить? Нечаянное убийство – это немного. Меня скорее бы пожалели, нежели обвинили! Моя жена! Моя бедная жена, сказал бы я, рыдая. Моя жена, которая была для меня так необходима, которая играла главную роль в моем заработке. Поверьте, меня только бы пожалели бы!

– Без всякого сомнения.

– И какое бы это было мщение, лучшее из всех практиковавшихся мщений, с обеспеченной безнаказанностью.

– Конечно!

– И когда я ей это сказал, как теперь говорю вам, с непоколебимой решительностью в голосе, с угрозой, готовой перейти в немедленное исполнение, разозленный до бешенства, знаете ли вы, что она ответила мне?

– Что вы честный человек, что у вас не хватит на это злой воли...

– Не то, не то! Я совсем не такой честный человек, как вы думаете. Я не боюсь крови. Я ей это когда-то доказал. Для вас безразлично, как и когда. Но она – она знает это. Она не со-

мневаются в том, что я способен на многое, даже на преступление.

– И она не ужаснулась?

– Нет! Она мне просто ответила, что я не буду в состоянии сделать то, что говорю. Понимаете ли вы, что я не смогу сделать...

– Почему?

– Вы не понимаете ничего! Объяснил же я вам, сколько времени и терпения потратил я на ежедневные упражнения в метании ножей, не глядя...

– Ну так что же?

– Вы, значит, не понимаете того, что она так ужасно быстро поняла! Вы не понимаете, что моя рука теперь не слушается меня, если бы я даже заставлял ее сделать неправильный удар.

– Не может быть?!

– Увы, это правда. Я на самом деле хотел исполнить задуманную месть, которую считал такой простой и удобной. Уверившись в неисправимости виновной, я решался несколько раз убить ее. Я прилагал всю мою ловкость, все мои усилия, чтобы сделать отклонение в ударе на один сантиметр – этого

было бы достаточно, чтобы перерезать ей шею. Я хотел, старался, но не мог, не мог никогда, никогда... Ее подлый смех звучал в моих ушах всегда, всегда...

Со скрежетом зубов, обливаясь слезами, он добавил:

– Она меня знает, она хорошо знает, что я бессилен в своей ловкости, в своем искусстве!